

4. Маховикова Д. В. Лексические средства концептуализации времени в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2012.
5. Маслова В. А. Лингвокультурология. М., 2001.
6. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1983. Т. 3.
7. Миронова Д. М. Оценочная интерпретация как способ освоения концепта 'система' в русском языковом сознании // Когнитивные исследования языка. 2014. Вып. 16. С. 15–20.
8. Иванова С. В. Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц : дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2003.

Об авторе

Диана Михайловна Миронова — преп., Башкирский государственный университет, Уфа.
E-mail: mir-lina@yandex.ru

About author

Diana Mironova, lecturer, Bashkir State University, Ufa.
E-mail: mir-lina@yandex.ru

УДК 81'367.322

С. Л. Васильев, Н. А. Пробст

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УГРОЗЫ РЕКВЕСТИВНОГО ТИПА (на материале советских и российских художественных фильмов)

Массовый кинематограф выступает одним из экспликаторов культурно-ментального состояния нации, в полной мере отражающих состояние языка. На основе анализа фрагментов советских и современных российских кинокартин определяются роль и назначение угрозы реквестивного типа, устанавливаются состав и значение различных соддержательных компонентов данной разновидности директивных речевых актов. Под угрозой реквестивного типа понимается вопроситель-но-побудительная конструкция со значением прескриптив-угрозы — один из способов косвенно-производного выражения соответствующего значения.

Mass cinematography reflects the cultural and mental state of any nation as well as the state of its language. Based on the analysis of the fragments of the Soviet and contemporary Russian films, the author determines the role and purpose of the requestive threat as a speech act, and identifies the composition and role of various components of requestive threat speech acts as a type. Requestive speech acts are a means of indirectly derived expression of a corresponding meaning.

Ключевые слова: речевая тактика угрозы, косвенная угроза, прескриптив-угроза, вопросительно-побудительные конструкции.

Key words: speech tactics of threat, indirect threat, prescriptive threat, interrogative imperative sentences.

Побуждение, как известно, представляет собой попытку говорящего изменить существующее в действительности положение дел в соответствии с определенными потребностями или желаниями. Для реализации данной целевой установки применяется широкий комплекс различных коммуникативных средств и приемов — от категорического приказа до униженной просьбы. Выбор того или иного инструмента императивного воздействия зависит от целого ряда факторов: ситуации, в рамках которой осуществляется коммуникация, психического и эмоционального состояния коммуникантов, отношения реципиента к каузируемому действию и т.д. При этом чем ниже степень бенефактивности указанного действия для адресата и чем меньше разного рода внеязыковых связей между коммуникантами (профессиональных, родственных, дружеских и т.д.), тем выше для говорящего риск коммуникативной неудачи. Одним из инструментов преодоления сопротивления слушающего в подобном случае выступает такой директивный речевой акт, как *угроза*. Она, как известно, представляет собой «обещание причинить зло, неприятности» [5, с. 271], «средство выражения агрессии в ситуации рассогласованного общения, использующееся говорящим для достижения определенной коммуникативной цели» [9, с. 10]. Речевой прескриптивный акт со значением угрозы предполагает реализацию императивной интенции адресанта сообщения через «апелляцию к чувству страха адресата» [2, с. 3], которая детерминируется готовностью продуцента высказывания нанести определенный ущерб реципиенту в случае невыполнения каузируемого действия.

Ориентация на подавление воли слушающего посредством вызова чувства страха за сохранность тех или иных аспектов его жизни — собственного здоровья и здоровья его близких, семейного благополучия, стабильности трудовой деятельности и т.д. — при определенных обстоятельствах может быть весьма результативной. В самом деле, страх — одна из базовых и наиболее труднопреодолимых эмоций, «возникающая в ситуациях угрозы биологическому или социальному существованию индивида и направленная на источник действительной или воображаемой опасности» [4, с. 352]. При этом продуценту речевого акта (РА) угрозы создавать указанную опасность часто вовсе не обязательно — достаточно заставить слушающего поверить в ее реальность, поскольку, «в отличие от боли и других видов страдания, вызываемых реальным действием опасных для существования факторов, страх возникает при их предвосхищении» [4, с. 352]. Вызвать в слушающем страх — значит деморализовать, дезориентировать его, минимизировать сопротивление говорящему, убедить, что выполнение каузируемого действия — единственная возможность избежать реального или мнимого наказания за неповиновение [8]. В связи с этим одной из важнейших составляющих данного эмоционального состояния, без которой РА угрозы попросту не будет эффективным, выступает ощущение незащитности слушающего перед действиями говорящего: «Страх в зависимости от интенсивности переживается как предчувствие, неуверенность, полная незащищенность» [1, с. 133].

Аналогично большинству способов директивного воздействия на собеседника «тактика угрозы (как и другие структурные составляющие vindикативного дискурса — тактики изгнания, поругания и злопожелания) реализуется в прямых и косвенно-производных формах» [7, с. 132]. Отличительной особенностью второй из указанных форм является то, что «говорящий продуцирует предложения, которые, характеризуясь направленностью на эвокацию у угрожающего объекта чувства страха, не выражают при этом намерения применить по отношению к последнему те или иные карательные меры или позаботиться об их применении третьими лицами» [7, с. 132]. Рассматриваемые в настоящей статье вопросительно-побудительные конструкции со значением прескриптив-угрозы [3], или угрозы реквестивного типа (УРТ), относятся к числу именно косвенно-производных форм экспликации соответствующей семы.

В качестве материала нами использовались фрагменты советских и российских художественных фильмов, содержащие высказывания с различными видами УРТ. Выбор данного материала не случаен: как известно, массовый кинематограф — один из экспликаторов культурно-ментального состояния нации, в полной мере отражающий комплекс происходящих в нем изменений на всех уровнях — историческом, социальном, языковом и т. д. Поскольку наша цель заключается в рассмотрении функциональных особенностей УРТ в живой разговорной речи, отбор материала строился по следующим критериям: 1) актуальность языкового пространства кинопроизведения (возможность применения представленных в нем выражений в современном повседневном общении); 2) относительная реалистичность представленных в нем коммуникативных ситуаций — по крайней мере тех, что сопряжены с ситуацией угрозы.

Общеизвестно, что определение комплекса конкретных формальных критериев побудительных актов — задача труднореализуемая. Так, например, Л. П. Ступин и К. С. Игнатъев справедливо отмечают, что выделение комплекса конкретных экспликативных побуждений, используемых в соответствующих РА, «является весьма условным, и для того чтобы определить, чем является та или иная реплика, необходимо знать ситуацию и подтекст диалога» [6, с. 94]. Это в полной мере относится и к угрозам — как прямым, так и реквестивного типа. Даже пространство кинопроизведения, где диалог визуализирован и, следовательно, его содержание раскрыто зрителю на всех уровнях коммуникативного воплощения (и вербальном, и невербальном), не всегда дает возможность четко и недвусмысленно идентифицировать коммуникативную установку того или иного высказывания — по крайней мере, если взять за основу исключительно формальные признаки побудительного акта (синтетические и аналитические формы повелительного наклонения и т. д.). Поэтому при выявлении и классификации тех или иных вопросительно-побудительных конструкций со значением угрозы нами в первую очередь оценивался общий контекст коммуникативной ситуации, включая невербальные действия, сопровождающие продуцирование соответствующих РА. В качестве базовых дифференци-

рующих признаков были выбраны такие факторы, как степень доминантности семы побуждения, представленной в содержательном плане высказывания со значением УРТ, а также сопутствующий уровень интенсивности применения различных (вербальных и невербальных) средств подавления воли адресата сообщения.

Первый из выделяемых нами типов УРТ целесообразно, на наш взгляд, номинировать как *угрозу экспрессивного типа*. Эта разновидность в плане выраженной менасивной окрашенности наиболее близка прямым угрозам. Задача вопросительно-побудительных предложений, репрезентирующих указанный тип угрозы, — насколько возможно быстро вызвать в слушающем чувство робости, страха, как правило, за счет повышенной экспрессивности соответствующего высказывания (что достигается с помощью таких средств, как интонация, просторечная, бранная или даже обценная лексика и т. д.). Например:

1. (*Бандитский главарь — конкурентам*): Вы чего, клоуны, совсем оборзели? Вы знаете, на кого пасть раскрыли?! («Антикиллер», 2002).

2. («*Вор в законе*» — *главному герою*): Ты на кого рыпаешься, сывка? («Гений», 1991).

Иными словами, слушающему напоминают о том, с кем он имеет дело и, следовательно, какие серьезные неприятности он может на себя навлечь, либо у него пытаются создать впечатление грозящей ему опасности.

По нашему мнению, среди УРТ можно выделить особую разновидность — *угрозу-насмешку*. Это один из наиболее сложных в плане идентификации типов рассматриваемых РА, поскольку сема угрозы в нем не является доминантной. В основе содержательного плана данного типа находится направленность говорящего на унижение слушающего, указание на его подчиненное по отношению к адресанту положение, на его незащищенность перед агрессивными действиями говорящего. В качестве примера можно привести знаменитое высказывание Николы Питерского, адресованное «Доценту» в известной сцене из кинофильма «Джентльмены удачи»: *Деточка, а вам не кажется, что ваше место возле парашки?* Цель данного высказывания, безусловно, — в форме издевки указать слушающему на его положение в арестантской иерархии — самое низкое. Таким образом, в рассматриваемом высказывании выражена побудительная интенция, направленная на установление отношений подчинения. При этом собственно сема угрозы в данной фразе реализуется более имплицитно. В субкультуре заключенных определять чужую роль в структуре «камерного» сообщества имеет право только один из признанных лидеров, «авторитет», который может, при необходимости, подкрепить свои слова силой («ответить за базар»). Подчинение такому человеку по тюремным понятиям расценивается как серьезный вызов его власти, что обычно карается жестокой расправой — по крайней мере, в том случае, если объект агрессии не сможет защититься. Соответственно, вопрос Николы Питерского имеет не только издевательский, но и угрожающий смысл, который можно интерпретировать как «Займи подобающее тебе место добровольно, иначе тебе придется это сделать в принудительном порядке».

В коммуникации (особенно в случаях значительного социально-имущественного неравенства актантов) возможны и более опосредованные варианты реализации такого рода угроз, как, например, в следующем диалоге:

Сергей Михайлович Лагутин: Хочу предупредить Вас, Глеб Сергеевич, что иногда мы вынуждены делать не совсем приятные вещи... Но делаем их исключительно в целях защиты.

Глеб Сергеевич: Хорошо, я приму это к сведению.

Сергей Михайлович: М: А ты не очень преувеличиваешь свое значение? («Убийство на Ждановской», 1990).

32

В приведенном отрывке Лагутин (очень крупный чиновник МВД СССР) оказывает давление на Глеба Сергеевича (следователя прокуратуры г. Москвы) с целью заставить того прекратить расследование уголовного дела об убийстве офицера КГБ. Одним из элементов используемой Лагутиным тактики угрозы (помимо открывающей данный отрывок реплики) выступает вопрос, реализующий, помимо очевидной интенции насмешки, и сему угрозы, которую можно интерпретировать в виде высказывания: «Не забывайся — ты лишь мелкая сошка, которую для той власти, что стоит за мной, убрать с дороги труда не составит».

Нам представляется возможным выделить еще одну семантическую разновидность УРТ, специфика которой состоит в том, что, когда требуется максимально быстро добиться необходимого результата, коммуникант-агрессор применяет комплексное воздействие, реализующееся в виде агрессивного невербального (демонстрация оружия, ограниченное применение физической силы в отношении слушающего и т.п.) и вербального (продуцирование содержащего вопрос высказывания) действий. Например:

1. Охранник клуба: Вход только для членов клуба. <...> Это точка Баркаса.

Амбал: Да хоть Крейсера! (Выхватывает нож и показывает охраннику.) А вот это ты видел? («Антикиллер», 2002).

2. Проводница: Немедленно прекратите! Что вы... тут...

Халиф (не спеша подходит к ней): Тихо! Ты чё шумишь-то? (улыбается, достаёт нож и приставляет его к горлу собеседницы) А? У тебя проблемы? («Боец», серия 1, 2004).

В таких случаях РА, по сути, не обладает функциональной самостоятельностью (без невербального действия угроза не является очевидной), выполняя, скорее, интенционально-объективирующую или пояснительную роль. Так, в первом из приведенных примеров вопросительное предложение «А вот это ты видел?» призвано акцентировать внимание реципиента на потенциальном «орудии возмездия» (ноже) и, соответственно, дать ему понять следующее: «Пропусти — или я познакомлю тебя с этой штукой поближе». Во втором примере вопросительное предложение «У тебя проблемы?» указывает на опасность того положения, в котором оказался коммуникант, проявляя нежелательную для говорящего бдительность (однако при несомненной менасивной

окрашенности указанного РА основным сигнификатором угрозы все-таки выступает приставленный к горлу слушающего нож). Соответственно, такие «вспомогательные» акты целесообразно рассматривать в качестве средства репрезентации еще одного типа УРТ, который можно обозначить как *угрозу-дополнение*.

Особого внимания, с нашей точки зрения, заслуживают вопросительно-побудительные предложения, которые по своей форме наиболее близки вопросам первичной функции, но на контекстуальном уровне однозначно воспринимаются слушающим как угроза, например:

Криминальный «авторитет» – главному герою: А не принесешь (деньги. – С.В., Н.П)... Сколько твоей дочери лет? («Гений», 1990).

33

В отрыве от показываемой в фильме сцены (вымогание «отступных» у героя – представителя теневого бизнеса) заданный вопрос не имеет никакой менасивной окраски и выглядит обычным для бытовой коммуникации запросом. Однако ответная мимическая реакция реципиента свидетельствует о его адекватном понимании целевой установки приведенного высказывания, которую (с учетом экстралингвистических особенностей личности говорящего и сути демонстрируемой ситуации) можно однозначно квалифицировать как угрозу. В данном конкретном случае – обещание произвести насильственные действия в отношении дочери реципиента в случае неподчинения последнего.

Это и подобные высказывания являются, таким образом, репрезентантами типа УРТ, который можно номинировать как *угрозу-намек*.

Обобщая вышесказанное, можно заключить, что все перечисленные разновидности УРТ, несмотря на общую функциональную ориентированность, в той или иной мере обладают семантической спецификой. Учитывая это, рассмотрим теперь вопрос о прагматической роли УРТ в целом. Некоторые исследователи, например И.И. Чесноков, анализируя причины использования косвенных угроз, полагают, что «перевод адресанта в импликацию дает возможность говорящему избежать прямой квалификации его действия как угрозы и приводит к тому, что предосудительное действие не связывается непосредственно с говорящим» [7, с. 132]. Признавая справедливость данного мнения, следует все же указать, что в случае с УРТ нежелание продуцента принимать на себя ответственность за прямую угрозу не всегда является основным мотивом применения исследуемого коммуникативного инструмента. Данным стремлением можно объяснить использование вопросительно-побудительных предложений со значениями угрозы-намек и угрозы-насмешки. Однако в отношении угрозы экспрессивного типа и, тем более, угрозы-дополнения (предполагающей наличие акта физического устрашения) подобную мотивацию вряд ли можно считать подходящей. На наш взгляд, причина здесь в другом. Любой вопрос (за исключением риторического) предполагает наличие ответа. В случае с УРТ слушающему предоставляется (разумеется, чисто формально) выбор: подчиниться или пойти наперекор воле говорящего – естественно,

приняв на себя ответственность за все возможные негативные последствия. Соответственно, у реципиента сообщения (в том случае если он оценивает эти последствия как реально возможные) срабатывает следующий психологический механизм: если говорящий в ситуации угрозы предлагает слушающему альтернативу (при ее очевидной условности) — значит, он полностью уверен в своих возможностях и готов к реализации агрессивных замыслов при неподчинении слушающего. Иными словами, РА вопроса в данном случае выступает в роли показателя силы продуцента сообщения, его преобладания над реципиентом.

Список литературы

1. Крючкова Г.Н. Особенности психофизиологических механизмов эмоционального напряжения // *Фундаментальные исследования*. 2007. №11. С. 133–134.
2. Мартынова И.А. Функционально-прагматическое поле менасивных речевых актов: На материале современной англоязычной художественной литературы : дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2006.
3. Пробст Н.А. Вопросительно-побудительная модальность как межполевая зона макрополя модальности в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2014.
4. Карпенко Л.А. Краткий психологический словарь / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. Ростов н/Д, 1998.
5. *Словарь современного русского литературного языка* : в 17 т. М. ; Л., 1948–1965. Т. 16.
6. Ступин Л.П., Игнатъев К.С. Ученые записки. М., 1980.
7. Чесноков И.И. Дискурсивная тактика угрозы: косвенные формы объективации: предупреждения // *Известия Волгоградского гос. пед. ун-та*. 2015. №2. С. 132–138.
8. Щербатых Ю.В. Психология страха. М., 2002.
9. Эшштейн О.В. Прагмалингвистические особенности менасивного речевого акта в политическом дискурсе (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2010.

Об авторах

Никита Артурович Пробст — канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет имени И. Канта, Калининград.
E-mail: NProbst@kantiana.ru

Сергей Леонидович Васильев — д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет имени И. Канта, Калининград.
E-mail: wasiljewsl@mail.ru

About authors

Dr. Nikita Probst, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: NProbst@kantiana.ru

Dr. Sergey Vasilyev, professor, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: wasiljewsl@mail.ru